

Мстислав Ростропович: «Я не могу тратить деньги детских театров и библиотек»

Почему великий русский музыкант решил не праздновать свой юбилей в России? С Мстиславом РОСТРОПОВИЧЕМ беседует главный редактор «МН» Виктор ЛОШАК.

Мы сидим на кухне петербургского дома Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской. В доме ремонт. Но уже видно, как будет здесь уютно и величественно. Возможно, с этим домом в семью пришел и парадоксальный символ всей их жизни на Родине и, насильно, вне ее: окна домашней церкви выходят на крейсер «Аврора», стоящий у противоположного берега Невской набережной. В кухню то и дело «катываются» две сестры-таксы, как будто боясь пропустить в разговоре самое интересное. А самое в общем-то в том, что Мстислав Леопольдович сказал мне накануне по телефону: «70-летие в России, видимо, праздновать не буду. Чествование 27 марта в Париже. Юбилейные концерты и фестивали в течение года пройдут по всему миру».

— Известно, маэстро, что вы гражданин мира — живете то в Лондоне, то в Москве, то в Париже или Нью-Йорке, теперь вот и в Питере... Так почему все-таки для юбилея избран Париж?

— Длинная история, которая восходит к 1972 году. После известного письма в 1970-м (в защиту Солженицына. — В.Л.) меня никуда не выпускали. Во Франции подняли настоящий скандал — «Фигаро» посвятила страницу выступлениям крупнейших писателей по этому поводу. Наконец, выпустили на гастроль в Америку, и я по дороге заехал в Париж, где от болезни почек умер мой друг, органист Гавоти. «Теперь мы, наверное, встретимся уже в ином мире», — сказал он мне грустно. Оказалось, урологическим клиникам не хватает искусственных почек, а предпочтение при их распределении отдается более молодым. И тогда я организовал концерт, весь сбор от которого можно было использовать на приобретение искусственных почек... Концерт прошел в соборе Мадлен. Все пять тысяч собравшихся стояли. Я играл сюиты Баха. На следующий день меня вызвал культурный аташе: «Кто дал вам право концерттировать без разрешения?» Я говорю: «Сам дал себе право. И виолончель моя, и талант мой собственный тоже». Я хлопнул дверью. В этот день в парижской прессе вышла статья «Дон-Кихот из СССР». Оказывается, собранных денег хватило, чтобы помочь 283 французам. Остановился я в гостинице «Эдуард VII», на следующий день рано-рано утром ко мне постучали. Стоят двое. Кагэбэшников, должен сказать, я узнаю сразу — у них рукава почему-то всегда слишком длинные, как у покойников. «Собирай-те чемоданы». «Нет, — отвечаю, — никуда я с вами не поеду». Тут вдруг они начинают волноваться: «Срочно! Вас ждет посол, товарищ Абрахимов. Позвоните, если не верите». Посол мне на «ты»: «Приезжай, ты такое узнаешь!» Сидит седой, важный, тоже волнуется: «Сегодня сам президент Франции посетит наше посольство». Оказывается, это был первый приезд Помпиду в советское посольство, и оказался он зна-

ком благодарности за мой концерт в соборе. С территории посольства меня уже до вечера не выпустили. На обеде посол что-то прочел, написанное ему на бумажке русскими буквами по-французски. «Мусью ля президант...» — такого матерного произношения я никогда не слышал. Помпиду же сказал о том, что СССР самая капиталистическая страна в мире. Никто не может сравниться, ни США, ни Франция. «Вы, — сказал он, — обладаете таким огромным капиталом, как ваши композиторы, музыканты...» С того вечера началась наша дружба с семьей Помпиду, а точнее, со ставшей вскоре вдовой Клод Помпиду. После того как нас выгнали из СССР, именно она познакомила нас с Жаком Шираком. «Слава, — говорила она мне о Шираке, — единственный, кто может понять Россию — именно этот молодой человек». Дело в том, что одним из воспитателей нынешнего французского президента был русский, отсюда его интерес к на-

шей культуре, какое-то знание наших стихов. Так мы и подружились. Будучи мэром Парижа, Ширак по моей просьбе помогал уже тяжело больному Тарковскому (дал квартиру), Эдисону Денисову, художнику Сарьяну... Десять лет назад он вручил мне орден Почетного легиона, а еще два года назад напомнил: «Мы надеемся, что в день 70-летия ты будешь с нами».

— Как все будет происходить в Париже?

— Большой концерт в театре Шанз-Элизе. Затем президент устраивает обед в мою честь. В концерте участвуют три выдающихся оркестра: Лондонский симфонический, Оркестр de Paris и Национальный оркестр Франции. Подозреваю, я не обо всем осведомлен. Так, на днях я получил письмо от мадам Ширак, где она умоляет закончить концерт к 22.00, так как министерство иностранных дел, с учетом того, что в обеде участвуют высокие мировые персоны, не рекомендует начинать его позже 22.30... Ну а 1 апреля у меня уже репетиция в Бостоне с Лондонским симфоническим. Дни чествования в Нью-Йорке — третье и четвертое. Мы с оркестром и дирижером великим Сейджи Озавой исполним два произведения — мировые премьеры, написанные специально для меня Бернардом Райтом и Августой Томас.

— Были ли предложения провести ваш юбилей в России?

— В России на официальном уровне мне никто ничего не предлагал. ... и вы решили обидеться и на родину не приезжать?

— Совсем наоборот. Между Парижем 27 марта и Бостоном 1 апреля было специально оставлено окно. Согласитесь, странный привкус мог бы быть у такого решения — не приехать в эти дни в Россию. Поэтому я и обратился в «Государственное театральное агентство» к моему другу Давиду Смелянскому. Я начал проводить два концерта в Москве. В первом дирижировать, а во втором — сыграть Прокофьева и,

может быть, Шостаковича, а 31-го уже предполагалась сольная программа в Санкт-Петербурге.

Выступить в России я мог только с Лондонским симфоническим оркестром, так как ни с каким другим репетировать просто не успевал. С ним же у меня намечены были семь концертов перед Россией и после нее гастроль в Америке.

— Вам кто-то в чем-то отказал?

— Отнюдь. Была проведена большая работа: руководитель Аэрофлота Евгений Шапошников обещал установить самые минимальные цены за чартер: Париж — Москва — Петербург — Бостон. Владелец сети гостиниц «Марко Поло» пошел на большие скидки для ста десяти оркестрантов. Более того, Лондонский симфонический сам нашел спонсоров в Англии, готовых ради такого случая покрыть часть их расходов. Мы получили письмо от «Коламбия Атист», представляющей интересы Сейджи Озавы, где сообщалось, что за выступления великого дирижера на моих юбилейных концертах они готовы пойти на гонорары ниже минимальных. Речь шла о 15 тысячах долларов. Поверьте, по мировым меркам это просто смешная цифра... Но как бы щепетилен к деньгам я ни был и как бы ни сводили к минимуму все расходы, все равно, даже такая смета — это миллион.

— В России не нашлось миллиона долларов?

— Мне стало ужасно стыдно! Как я выйду на улицу, где старушки без пенсий? Какая-то мышеловка. Спросят, предположим, кто дал миллион? Министерство культуры? А ведь это деньги для библиотек, детских театров, молодых художников... Я не хочу, чтобы думали, будто я умышленно не приезжаю в Россию, но и взять у государства этот миллион я не могу. А тут еще в газете прочел, как думские депутаты решили выделить себе по шестьдесят тысяч долларов на покупку квартир. Какая мерзость!

— Может быть, в этом вашем ре-

шении есть какое-то иное, новое ощущение страны, ее власти?

— У меня в жизни есть столпы, которые поколебать невозможно. В XX веке три самых великих композитора мира — Стравинский, затем Прокофьев, Шостакович. И я всех их знал. Их дала Россия! Не так давно я дирижировал «Хованщиной», и это меня очень обогатило: я понял, в России уже происходило все то, что происходит сейчас. Я молюсь за сохранение оптимизма в нашей жизни. Бах говорил: «Когда я не вижу ничего хорошего в прошлом, я думаю о настоящем; когда ничего хорошего в настоящем, я думаю о будущем». Понимание трех времен жизни может быть для нас спасением. Когда же, наконец, у нас, у русских, не будет уходить память о прошлом, когда мы перестанем его романтизировать? Бог знает, почему мы так любим сказки и верим им. Поэтому, наверное, и голосуют за Жириновского и за других сказочников...

Вот если бы вы мне задали вопрос: «Какое самое сильное впечатление о России?»

— Задаю.

— Приезд в деревню Вача после Сахаровского фестиваля в Нижнем Новгороде. Было это в августе минувшего года. Как вы знаете, мы с Галей создали Фонд помощи педиатрии в России. Я обратился к четырем своим друзьям, чтобы они стали его советниками. Все они — Джимми Картер, Рональд Рейган, Хельмут Шмидт и Маргарет Тэтчер — согласились. За несколько лет мы поставили сюда, в Академию педиатрии, в Оренбургскую детскую больницу аппаратуру, медикаменты, продукты приблизительно на восемь миллионов долларов. Вот и деньги за концерты в Нижнем я решил передать на оборудование в детскую больницу Вачи. Приехали мы туда с Немцовым, я выступил на площади и рассказал людям о своей идее. И вдруг я увидел, как площадь смотрит на меня добрыми и недоверчивыми глазами: «И этот врет, наверное... А может, не врет?» И я влюбился в этих людей, в эти глаза. Почему-то представил себе, как мы, закончив больницу, поставим на этой же площади огромный стол и все напьемся от счастья. Ждать осталось недолго, открываем мы эту больницу 16 февраля.

— Наверное, раз есть самое сильное положительное впечатление, существует и что-то не менее сильное с обратным знаком?

— У меня нет обиды, но есть горечь от того, что, возможно, последний раз в нашей жизни нам не дали поработать с Борисом Покровским — поставить «Леди Макбет» в Большом. Ему 85, мне исполняется 70... Я мечтал еще один раз что-то сделать вместе с этим великим режиссером. Вместо этого Васильев поставил в Большом «Лебединое озеро» и «Макбет». Не буду давать этим его трудам оценку...

— Возможно, в этой ситуации культурная история России оказалась обделена больше, чем вы с Покровским.

— Только в последние годы я поставил новые оперы Шнитке «Жизнь с идиотом» и «Джезуальдо» в Амстердаме и Вене, «Лолиту» Родиона Щедрина в Стокгольме, «Леджю» Августы Томас о жизни Эдгара По...

— А намечены ли премьеры в России?

— В Самаре на начало 1999-го — «Иван Грозный» Сергея Слонимского.

— Подозреваю все-таки, Мстислав Леопольдович, что, когда по миру пойдут ваши юбилейные концерты и фестивали в Кронберге, Мадриде, Эвiane, в России все-таки возникнет и ревность, и непонимание: почему не здесь, не у себя, не дома?

— Повторю, ко мне никто не обращался. Но если бы обратились раньше, то можно было найти и время, и выступить здесь не с лондонским, а с российским оркестром. Но время упущено.

Ростропович Мстислав

2-2.02.97